

Матвеев Антон Геннадьевич

**ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМ
РОССИЙСКОМ И СОВЕТСКОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ**

В статье рассматривается российская эволюция одного из важнейших личных неимущественных прав автора - права на неприкосновенность произведения. Целью данной статьи является критический анализ права на неприкосновенность произведения в авторском праве дореволюционного и советского периодов российской истории. Особое внимание уделяется анализу и систематизации взглядов российских ученых, исследовавших личные неимущественные права автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/32.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 123-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

37. Трутень. 1769 // Сатирические журналы Н. И. Новикова / ред., вступ. ст. П. Н. Беркова. М. - Л.: Издательство АН СССР, 1952. 616 с.
38. Трутень. 1770 // Новиков Н. И. Избранные сочинения / вступ. ст. Г. П. Макогоненко. М. - Л.: Художественная литература, 1954. 744 с.
39. Фонвизин Д. И. Рассуждение о непреходящих государственных законах // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2-х т. М. - Л.: Художественная литература, 1959. Т. 2. 741 с.
40. Фонвизин Д. И. Сокращение о вольности французского дворянства и пользе третьего чина // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2-х т. М. - Л.: Художественная литература, 1959. Т. 2. 741 с.
41. Щербатов М. М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935.
42. Щербатов М. М. Записка по крестьянскому вопросу // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935.
43. Щербатов М. М. Оправдание умерения законами росту // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935.
44. Щербатов М. М. Рассмотрение о вопросе, могут ли дворяне записываться в купцы // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935.
45. Щербатов М. М. Сочинения князя М. М. Щербатова: политические сочинения / под ред. И. П. Хрущева. СПб., 1896. Т. 1.

PROBLEM OF SERVICE IN THE ARGUMENTS OF THE NOBLE THINKERS OF THE SECOND HALF OF THE XVIIITH CENTURY

Yuliya Vladimirovna Lapteva

Department of Russian History

Russian State Professional-Pedagogical University in Ekaterinburg

julya-Kot@yandex.ru

The author considers noble thinkers' searches of service problems solutions relevant for the second half of the XVIIIth century, shows noblemen's different points of view on service motivation, state policy concerning service estimation and service role in noblemen's life, as the result of the research reveals the following tendencies in noble thinkers' discussions about service: value approach to service as a matter of honour and the main duty of a nobleman, the idea of state and society reciprocal obligations.

Key words and phrases: service; nobility; state; general welfare; government and society relations.

УДК 347.78

В статье рассматривается российская эволюция одного из важнейших личных неимущественных прав автора – права на неприкосновенность произведения. Целью данной статьи является критический анализ права на неприкосновенность произведения в авторском праве дореволюционного и советского периодов российской истории. Особое внимание уделяется анализу и систематизации взглядов российских ученых, исследовавших личные неимущественные права автора.

Ключевые слова и фразы: авторское право; личные неимущественные права автора; право на неприкосновенность произведения.

Антон Геннадьевич Матвеев, к.ю.н.

Кафедра теории и истории государства и права

Пермский государственный национальный исследовательский университет

la-musica@yandex.ru

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ РОССИЙСКОМ И СОВЕТСКОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ[©]

Законодательное признание личных неимущественных прав автора отражает социальную ценность авторства и творчества. Оно основано на уверенности в том, что любой результат интеллектуальной деятельности создаёт особую связь между ним и его автором и что творческая деятельность есть нечто большее, чем способ зарабатывания денег, поскольку как творческий порыв, так и его результат имеют общественную ценность. В группе личных неимущественных прав автора, несомненно, выделяется важнейшее субъективное право – это право на неприкосновенность произведения. Во-первых, только это право, наряду с правом авторства, признано на международном уровне: в ст. 6 *bis* Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. [2]. Во-вторых, право на неприкосновенность произведения защищает самые значимые для автора интересы в отношении его произведения – интересы в сфере целостности (неприкосновенности) творческого произведения. Российская эволюция рассматриваемого субъективного права представляет собой интересный, сложный путь, осмысление и критический анализ которого имеют значение как для современной теории и практики авторского права, так и для юридической науки, изучающей историю этого правового института.

В России, как и в Европе, эпоха, предшествующая зарождению авторского права, иллюстрируется некоторыми интересными примерами, свидетельствующими о контроле публичной власти за целостностью литературных произведений. Так, на стоглавом соборе в 1551 г. Иван Грозный жаловался, что «божественные книги писцы пишут с неисправных переводов, а написав, не правят их, опись к описи прибавляют и недописи, и точки не прямые, и по тем книгам в церквах божьих читают и поют, и учатся, и пишут с них» [19, с. 146]. Собор признал царские жалобы на неисправность книг уважительными и постановил, что в каждой церкви, в каждом городе всем священникам необходимо смотреть, нет ли неисправных священных книг. Если такие найдутся, то их следует исправлять, а неисправных книг не продавать [Там же]. Известен также случай, когда Петр I распорядился перевести на русский язык сочинение С. Пуфендорфа «Введение в историю знатнейших Европейских государств», а переводчик перевел текст неточно, нарушив суть авторских замыслов. Тогда Петр I приказал перевести произведение в точном соответствии с оригиналом.

Зарождение авторского права в России связывается с 1827 и 1828 гг., когда были приняты «Положение о вознаграждении сочинителям и переводчикам драматических пьес и опер, когда они будут приняты для представления на императорских театрах», «Устав о цензуре» и «Положение о правах сочинителей», являющееся приложением к нему. Указанными актами была введена охрана некоторых имущественных интересов авторов. Однако об авторско-правовой охране немущественных интересов писателей и художников в то время и вообще на протяжении всего XIX столетия в законодательстве речи не было.

Подход законодателя в отношении гражданско-правовой охраны личных интересов автора изменился в начале XX в., когда 20 марта 1911 г. высочайше было утверждено «Положение об авторском праве» [6]. Над подготовкой данного акта, именуемого также «Законом об авторском праве», работали почти 18 лет, и его эволюция насчитывает 11 последовательно сменявших друг друга проектов. В первом из них – Проекте статей об авторском праве на литературные, музыкальные и художественные произведения [16], исходившем еще из проприетарной теории авторского права, предусматривались следующие положения, направленные на охрану целостности произведения. В ст. 25 устанавливалось, что лицо, которому вполне или в части уступлено авторское право на литературное произведение, не в праве без согласия автора или его наследников издавать это произведение с изменениями. Основанием для данной нормы являлась та идея, что при изменении издателем произведения автор может стать лицом, ответственным за мысли и взгляды, которые он не разделяет или даже отрицает [Там же, с. 90]. В силу ст. 35, 37, 49, 52, 63 Проекта положение ст. 25 применялось также к картографическим, музыкальным, драматическим, художественным и фотографическим произведениям. Сама такая юридическая техника Проекта, не имевшего общей части и содержавшего многочисленные ссылки на положения первой главы, посвященной литературным произведениям, была подвергнута критике. Так, А. А. Пиленко отмечал следующее: «Но раз перечисленные статьи применимы ко всем видам авторской собственности, является непонятным, почему они приведены только в главе о собственности литературной, а не выявлены в особую общую часть. Повторяем, этот вопрос имеет гораздо больше важности, чем это может показаться на первый взгляд... не забудем, что указанная система ссылок на главу о литературной собственности требует от судьи применение нормы по аналогии, т.е. сама толкает его на ошибки» [15, с. 58].

Положение от 20 марта 1911 г. на момент его принятия было одним из самых прогрессивных в мире законов об авторском праве, и, несомненно, оно явилось качественно новым этапом в развитии российского законодательства в области интеллектуальной собственности. В данном акте законодатель под влиянием германских законов об авторском праве 1901 и 1907 годов уже отказался от проприетарной теории авторского права, и последнее здесь понималось как исключительное право. В «Положении об авторском праве» был устранен недостаток проекта, связанный с отсутствием общей части, следствием чего стало появление главы 1 «Общие положения».

Рассмотренное выше предписание ст. 25 Проекта под влиянием германского закона об авторском праве 1901 г. было существенно переработано в ст. 20 «Положения об авторском праве», гласившей, что лицо, которому вполне или в части уступлено авторское право на произведение, не вправе без согласия автора или его наследников издавать или публично исполнять это произведение с дополнениями или сокращениями и вообще с изменениями, кроме таких, вызываемых явной необходимостью изменений, согласие на которые автор не мог бы по доброй совести отказать. Это положение было фактически продублировано в ст. 70, посвященной издательскому договору. По сравнению со ст. 25 Проекта ст. 20 «Положения об авторском праве» не содержала категоричного запрета на внесение изменений в произведение. Закон разрешил третьим лицам вносить в произведение такие изменения, согласие на которые автор не мог бы по доброй совести отказать, что нашло в юридической литературе того времени положительный отклик. Что касается возможного нарушения интересов авторов данной оговоркой, то такого, по мнению А. А. Симолина, не могло быть, поскольку суд всегда имеет возможность защитить автора от любых серьезных извращений его произведения [18, с. 112]. Кроме того, в рассматриваемой статье, в отличие от текста Проекта, понятие «изменения» уточнялось путем включения в него таких действий, как дополнения и сокращения.

Регламентированное в ст. 20 право было названо Я. А. Канторовичем «исключительным правом автора на содержание и форму своего произведения» и охарактеризовано как составная часть авторского права, наиболее проникнутая личным элементом [8, с. 426]. Ученый отмечал, что наличие этого права у автора до выпуска им своего произведения в свет само собой предполагается без необходимости упоминания закона об этом [Там же]. Данной мыслью Я. А. Канторович, видимо, хотел объяснить тот факт, что право на

неприкосновенность произведения регламентировалось в ст. 20 как право относительное, т.е. запрещающее изменять произведение только лицам, которым уступлено авторское право, а не вообще всем третьим лицам.

Итак, в начале XX столетия в России под влиянием, прежде всего, германской юриспруденции стала формироваться гражданско-правовая охрана личных интересов авторов в сфере целостности их произведений. Эта охрана выражалась в виде адресованных определенному кругу лиц обязанностей сохранять целостность произведения при его издании либо публичном исполнении. Здесь не было еще как законодательной конструкции личного неимущественного права автора и указания на его абсолютный характер, так и четкой регламентации срока охраны личных интересов автора. Зато неоднозначность норм Положения от 20 марта 1911 г. привела к активному обсуждению в юридической науке вопроса о природе личных прав автора, об их названии и связи с институтом авторского права.

В первые годы Советской власти государство было весьма активно в регламентации авторско-правовых отношений, однако сфера личных неимущественных прав автора не была предметом интересов правотворческих органов. Такая негативная ситуация изменилась в середине 1920-х годов. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 января 1925 г. были введены в действие «Основы авторского права», новая редакция которых была утверждена Постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. [12]. Ключевую роль в регламентации субъективных авторских прав играла ст. 7 этого акта, где устанавливалось, что автор имеет исключительное право под своим именем или под условным именем (псевдонимом), или без обозначения имени (анонимно) выпустить в свет свое произведение и в течение установленного в законе срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его, а равно извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из названного исключительного права.

В развитие «Основ авторского права» был принят Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 11 октября 1926 г. «Об авторском праве», впоследствии измененный Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. [11]. Последний акт в ст. 11 признал, что охрана личных интересов автора имеет для государства большое значение и указал, что авторское право подлежит защите от нарушения также и в тех случаях, когда с нарушением его не связаны определенные имущественные интересы. Тем не менее четкого официального разделения авторских прав на имущественные и неимущественные в законодательстве рассматриваемого периода не проводилось.

Что касается конкретных прав автора, которые относились доктриной к числу личных неимущественных, то таковых советское законодательство в той или иной форме признавало три: право автора на имя, право на опубликование произведения и право на неприкосновенность произведения. Первые два субъективных права были закреплены в упомянутой выше ст. 7 «Основ авторского права» 1928 г., а последнее выводилось из ст. 18 того же акта, гласившей, что издатель и зрелищное предприятие не вправе по своему усмотрению вносить при жизни автора без его согласия какие-либо дополнения, сокращения и вообще изменения ни в самое произведение, ни в заглавие его, ни в обозначение на нем имени автора. Издатель также не вправе при жизни автора без его согласия снабжать его произведения иллюстрациями. Кроме того, отношения в сфере неприкосновенности произведения после смерти автора регулировались ст. 28, 29 Постановления «Об авторском праве» 1928 г. В ст. 28 этого акта говорилось о том, что после смерти автора издатель вправе до истечения срока действия авторского права не вправе без согласия наследников автора вносить изменения в произведение. В случае недостижения соглашений по этому вопросу с наследниками автора издатель может обратиться за получением такого разрешения в Народный Комиссариат Просвещения РСФСР или соответствующей автономной республики по принадлежности. Статья 29 предписывала, что по истечении срока действия авторского права изменения, предусмотренные в ст. 28 настоящего постановления, могут вноситься с разрешения Народного Комиссариата Просвещения РСФСР или подлежащей автономной республики по принадлежности. Как видно, приведенные законодательные ограничения не были еще структурированы в виде отдельного права автора на неприкосновенность произведения.

Из буквального толкования ст. 18 «Основ авторского права» следовало, что право на неприкосновенность произведения является относительным, поскольку содержащийся в ней запрет на внесение изменений в произведение был адресован только издателям и зрелищным предприятиям. И такой трактовки рассматриваемого права придерживался В. И. Корецкий [9, с. 265-266]. Однако Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц, ссылаясь на нормативные акты, дополняющие «Основы авторского права», и судебную практику, считали иначе: «...смысл ст. 18 шире ее редакции. Она упоминает только об издательствах и зрелищных предприятиях как об организациях, использующих произведения авторов. Но по существу она относится к любой организации, к любому лицу, использующим чужое произведение не иначе, как для собственных нужд» [1, с. 117]. Аналогичную точку зрения разделял и В. И. Серебровский, который говорил еще и о том, что в содержание права на неприкосновенность произведения входит правомочие автора вносить изменения и дополнения в произведение, подвергать его переработке [17, с. 128-129]. Кроме того, ученый, пожалуй, впервые в отечественной науке высказал такое мнение, что из права на неприкосновенность произведения следует и то, что при разрешенных законом заимствованиях из чужого произведения эти заимствования должны делаться таким образом, чтобы не создавалось неправильное, искаженное представление о произведении [Там же, с. 129]. Иными словами, В. И. Серебровский обратил внимание на то, что в содержание рассматриваемого права включается запрет не только прямых, но также и таких контекстуальных посягательств на произведение, которые могут сформировать неправильное впечатление о нем.

Правила ст. 28 и 29 Постановления «Об авторском праве» 1928 г. нашли в советской юридической науке следующее понимание. «После смерти автора до истечения срока действия авторского права всякого рода изменения, дополнения, сокращения произведения издательство может производить только с согласия наследников автора. Это не личное право наследников, – утверждал М. В. Гордон, – а только установленный законом способ охраны культурных ценностей в связи с общественными интересами. Если с наследниками автора не будет достигнуто соглашения, издательство может получить такое же разрешение от министерства культуры» [4, с. 126]. Точку зрения М. В. Гордона разделял В. И. Серебровский, который считал, что ни право авторства, ни право на неприкосновенность произведения не переходят к наследникам, поскольку закон об этом ничего не говорит [17, с. 226-228]. В то же время «Основы авторского права», не разделявшие исключительные авторские права на личные и имущественные, устанавливали переход авторского права к наследникам автора на пятнадцатилетний срок (ст. 15). Комментируя данное положение, Б. Б. Черепяхин утверждал, что авторское право переходит к наследникам автора именно в составе имущественных и личных неимущественных (включая право на неприкосновенность произведения) правомочий. Из личных правомочий только неотчуждаемое право авторства, по мнению правоведа, не переходит к наследникам автора [20, с. 406-407]. «Переход в порядке наследования личных (неимущественных) правомочий автора не противоречит общему положению о непередаваемости личных прав гражданина, из которого этот переход является исключением, специально оговоренным в законе» [Там же, с. 408]. Таким образом, используя фактически один и тот же аргумент, советские цивилисты приходили к противоположным выводам по вопросу о сроке действия права на неприкосновенность произведения, что свидетельствует о недостаточной разработке данной проблематики в рассматриваемый период времени.

При пересмотре гражданского законодательства СССР и РСФСР в 1960-е годы нормы, регулирующие авторско-правовые отношения, были включены в основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. [14] и Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. [5, ст. 406]. В этих законах советский законодатель отказался от характеристики субъективных авторских прав как исключительных. Видимо, здесь сказалось влияние советской юридической науки, выдающиеся представители которой в 50-е годы XX в. писали: «Поскольку действующий закон говорит об исключительности авторского права, в настоящее время, очевидно, нельзя отказаться ни от употребления этого термина, ни от раскрытия его смысла; что касается будущего нашего закона об авторском праве, то можно высказать пожелание, чтобы неясный термин “исключительное право” был в нем исключен» [1, с. 61].

Регламентация личных неимущественных прав автора в ГК РСФСР во многом повторяла предписания рассмотренных выше актов 1920-х годов. Число данных прав осталось прежним, но право на неприкосновенность произведения получило свое официальное название (ст. 479). По-прежнему при регламентации авторских прав не проводилось их разделение на имущественные и неимущественные. Однако регулирование защиты авторских прав в ст. 499 и 500 построено уже на основе их четкого дуализма. В частности, право на неприкосновенность произведения однозначно было отнесено к числу личных неимущественных прав. В данную группу включались и иные права, которые, правда, не обозначались законодателем в качестве личных неимущественных.

Законодательная регламентация права на неприкосновенность произведения в рассматриваемый период времени характеризуется следующими положительными тенденциями. Во-первых, это право было закреплено в ст. 479 ГК РСФСР в виде отдельного авторского правомочия. Во-вторых, право на неприкосновенность произведения было сформулировано именно как право абсолютное, и запрет внесения изменений в произведение теперь касался всех третьих лиц, а не только издателей и зрелищных предприятий. В ст. 480 Кодекса устанавливалось, что при издании, публичном исполнении или ином использовании произведения воспрещается без согласия автора вносить какие бы то ни было изменения как в само произведение, так и в его название и в обозначение имени автора, кроме того, воспрещается также без согласия автора снабжать произведение при его издании иллюстрациями, предисловиями, послесловиями, комментариями и какими бы то ни было пояснениями. В-третьих, в ст. 496 ГК была снята неопределенность о сроке действия рассматриваемого права и указывалось, что оно не переходит по наследству.

Само же содержание права на неприкосновенность произведения осталось прежним и включало в себя как запрет внесения каких бы то ни было изменений в произведение и его заглавие, так и запрет снабжения произведения какими бы то ни было пояснениями. При этом ст. 480 ГК содержала несколько ограничивающую это право императивную норму о том, что согласие автора на изменения произведения, данное при заключении авторского договора, не может быть отозвано в одностороннем порядке.

В 1970-е и 1980-е годы некоторые ученые предлагали расширить содержание права на неприкосновенность произведения. Э. П. Гаврилов заметил, что правомочие автора запрещать снабжение произведения пояснениями и иллюстрациями сформулировано очень узко, поскольку относится лишь к одному из способов использования произведения – изданию [3, с. 143]. Кроме того, право на неприкосновенность произведения, по мнению ученого, включает в себя и активное правомочие автора самостоятельного внесения изменений в произведение. Следовательно, это право должно именоваться «правом автора на придание произведению окончательной формы при использовании» [Там же, с. 143-144].

Несколько под другим углом зрения проблемы регламентации права на неприкосновенность произведения рассматривал Н. В. Зернин, увидевший, как представляется, здесь две основные проблемы. Главным недостатком ст. 480 ГК РСФСР, по мнению правоведа, является то, что она рассчитана на самые примитивные

ситуации и не защищает автора от всех возможных посягательств на неприкосновенность его произведения [7, с. 84]. Примером таких посягательств является такое несвойственное замыслу автора использование произведения, при котором произведение в неизменной форме помещается в иной контекст, что причиняет вред репутации автора. Кроме того, Н. В. Зернин обратил внимание общественности на проблему разграничения переделки произведения и создания нового произведения по мотивам другого, представляющих собой два различных способа использования произведения. «При создании нового, творчески самостоятельного, произведения, – пишет автор, – не возникает зависимости в смысле авторского права, что позволяет авторам свободно использовать чужое произведение указанным способом. Вместе с тем это дает возможность под видом создания нового, творчески самостоятельного произведения скрыть переделку, нарушающую целостность произведения» [Там же, с. 87].

Дальнейшее изменение в регламентации авторских прав произошло при очередном пересмотре гражданского законодательства СССР. Речь идет об Основах Гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. [13, ст. 733], которые по причине распада СССР не действовали в его рамках. Основы заложили принципиально иную модель авторских прав. Так, право на неприкосновенность произведения, наряду с другими правомочиями автора (правом авторства, правом на имя, на опубликование, на использование произведения, на вознаграждение), включалось в состав исключительного права (п. 2 ст. 135 Основ). В то же время нельзя сказать, какая модель права на неприкосновенность произведения устанавливалась данным актом, так как это право в нем только упоминалось.

Итак, история права на неприкосновенность произведения в дореволюционном и советском авторском праве характеризуется его постепенным обособлением и структурированием в качестве абсолютного личного права автора. Но в указанный период времени содержание рассматриваемого права так и не было расширено до запрета контекстуальных посягательств на произведение. Возможность автора противодействовать таким посягательствам является общемировым стандартом, закрепленным в 1948 г. в ст. 6 *bis* Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, к которой ни дореволюционная Россия, ни СССР присоединяться не собирались. Следует заметить, что в настоящее время Россия, участвуя в Бернской конвенции, в своем национальном законодательстве не обеспечивает требования ст. 6 *bis* о праве автора противодействовать контекстуальным посягательствам на произведение [10].

Список литературы

1. Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право. М.: Госюриздат, 1957. 276 с.
2. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
3. Гаврилов Э. П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. 222 с.
4. Гордон М. В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. 229 с.
5. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24.
6. Закон об авторском праве от 20 марта 1911 г. // Коптев Д. А. Закон об авторском праве с изложением рассуждений и материалов, на коих он основан. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1911. С. 31-43.
7. Зернин Н. В. Развитие права на неприкосновенность произведения // Гражданско-правовые вопросы обеспечения прав потребителей при переходе к рынку. Пермь, 1991. С. 82-93.
8. Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: систематический комментарий к закону 20 марта 1911 г. с историческим очерком и объяснениями, основанными на законодательных мотивах, литературных источниках, иностранном законодательстве и судебной практике. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1916. 736 с.
9. Корецкий В. И. Авторские правоотношения в СССР. Сталинабад, 1959. 372 с.
10. Матвеев А. Г. Российская модель права на неприкосновенность произведения // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2011. Вып. 4 (14). С. 91-99.
11. Об авторском праве: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. // Авторское право на литературные произведения: сборник официальных материалов / сост. Е. М. Азов и С. А. Шацилло. М.: Госюриздат, 1953.
12. Основы авторского права СССР от 16 мая 1928 г. // Авторское право на литературные произведения: сборник официальных материалов / сост. Е. М. Азов и С. А. Шацилло. М.: Госюриздат, 1953.
13. Основы Гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. // Ведомости ВС СССР. 1991. № 26.
14. Основы Гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1708> (дата обращения: 20.01.2012).
15. Пиленко А. А. Новый проект статей об авторском праве // Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. 1897. Кн. 10. С. 50-58.
16. Проект статей об авторском праве на литературные, музыкальные и художественные произведения с объяснениями: приложение // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 4.
17. Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М.: АН СССР, 1956. 282 с.
18. Симолин А. А. Охрана личных прав автора в новом законе об авторском праве 20 марта 1911 года // Вопросы права. 1912. Кн. X (2). С. 90-137.
19. Фойницкий И. Я. Мирская эволюция (моменты истории) законодательства печати // Сборник юридических статей и исследований с 1870 г. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1900. Т. II. 574 с.
20. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 479 с.

RIGHT TO CREATIVE WORK INVIOABILITY IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET COPYRIGHT LAW

Anton Gennad'evich Matveev, Ph. D. in Law
Department of State and Law Theory and History
Perm' State National Research University
la-musica@yandex.ru

The author discusses the Russian evolution of one of the most important author's personal non-property rights - the right to creative work inviolability, presents the critical analysis of the right to creative work inviolability in the copyright law of the pre-revolutionary and soviet periods of the Russian history, and pays particular attention to the analysis and systematization of Russian scientists' views, who studied author's personal non-property rights.

Key words and phrases: copyright law; author's personal non-property rights; right to creative work inviolability.

УДК 94(47)

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования женской купеческой собственности вообще и конкретно городской недвижимости в Курской губернии в 60-90-е годы XIX века. Источниковую базу исследования составили документы государственных архивов Курской и Белгородской областей. Постановка и решение заявленной в статье проблемы тесно связаны с возможностью размытия устойчивого гендерного стереотипа о различиях в содержании женского и мужского вклада в развитие русского купечества путем пересмотра распространенного представления о некой непричастности женщин к умножению и распределению собственности.

Ключевые слова и фразы: женщина купеческого сословия; Курская губерния; пореформенный период; недвижимая собственность; пути формирования собственности.

Евгения Николаевна Меньшикова, к.и.н., доцент
Кафедра российской и всеобщей истории
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
menshikova@bsu.edu.ru

СТРУКТУРА И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ ЖЕНЩИН-КУПЧИХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60-90-Е ГГ. XIX ВЕКА[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Государственного задания на выполнение НИР подведомственным вузам в 2012 году. Проект № 6.2922.2011.

Среди исследовательских направлений, составляющих предметное поле истории русского купечества [6; 8-12], проблема формирования женской купеческой собственности вообще и конкретно городской недвижимости относится к наиболее сложным. Ее постановка тесно связана с возможностью размытия устойчивого гендерного стереотипа о различиях в содержании женского и мужского вклада в развитие русского купечества путем пересмотра распространенного представления о некой непричастности женщин к умножению и распределению собственности.

Вообще говоря об имущественных правах (отсюда и возможностях) женщин из купеческого сословия, изначально следует обратить внимание на закреплённый в российском имперском законодательстве XIX века принцип раздельного владения имуществом супругами – каждый из них мог «иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность» [21, ст. 109]. Данный принцип определял то обстоятельство, что мужчина в купеческой семье не обладал с юридической точки зрения доминирующим правом распоряжаться денежными средствами и собственностью жены, управлять её имуществом и использовать его с целью получения выгоды. Исключением были ситуации, когда мужчина-купец становился официальным доверенным лицом своей жены. Соответственно, купчихи были экономически самостоятельны и могли распоряжаться своим имуществом, «не испрашивая» разрешения и согласия у мужа. Они имели право приобретать в собственность недвижимость в городах, в том числе дом в столице (при условии, что его стоимость будет превышать 7 500 рублей), дома в селениях, лавки, магазины и склады, а также земельные участки под строительство домов, надворных строений и других «домашних обзаведений» [20, ст. 540-541]. Ограничением купеческой женщины в полном распоряжении личным имуществом являлся запрет на выдачу векселей без согласования с мужем, который, впрочем, был упразднен во второй половине 90-х годов XIX века [21, ст. 14].